БРЮСОВЪ В. КАКЪ ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ

Валерій Брюсовъ.

КАКЪ ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВОБОДНАЯ РОССІЯ.
Москва. 1917.

КАКЪ ПРЕКРАТИТЬ ВОЙНУ?

Si vis pacem—para bellum.

Если хочешь мира—веди войну.

Какъ прекратить войну.

О современномъ положенiи Россiи [1]).

Не должно быть двухъ мнѣнiй о совершившемся въ Россiи переворотѣ. Только духовные слѣпцы могутъ не видѣть, какъ величественно-прекрасенъ былъ охватившiй всю Россiю порывъ; только враги родины могутъ отрицать всемiрно-историческое значенiе недавнихъ событiй, въ корнѣ измѣнившихъ государственный строй въ Россiи; только люди, чуждые самымъ свѣтлымъ завѣтамъ нашего прошлаго, въ частности — всей русской литера-

---

[1]) Въ основной своей части, эта статья повторяетъ соображенiя, которыя были высказаны авторомъ въ рѣчи, произнесенной въ собранiи писателей, въ Москвѣ, въ началѣ марта 1917 г. Для настоящаго изданiя, рѣчь была пересмотрѣна и расширена. Однако, событiя въ наши дни идутъ съ такой быстротой, что нерѣдко написанное вчера, оказывается устарѣвшимъ, анахронизмомъ, сегодня. Во всякомъ случаѣ, авторъ проситъ читателя помнить, что статья была сдана въ печать еще до образованiя коалицiоннаго министерства, чѣмъ были осуществлены нѣкоторыя изъ пожеланiй автора.

туры, отъ Новикова, Радищева, Пушкина, черезъ Герцена, Огарева, Тургенева, до Льва Толстого, Чехова, Максима Горькаго и другихъ, наиболѣе видныхъ нашихъ современниковъ, могутъ сомнѣваться въ томъ, что нынѣ исполнились лучшія чаянія прекраснѣйшихъ умовъ нашей исторіи. Преклоненіе передъ свободой, во всѣхъ ея проявленіяхъ, и передъ свободными формами общественной жизни всегда было самой характерной чертой русской литературы, которая въ теченіе десятилѣтій и столѣтій была единственной выразительницей русской общественной жизни. Если же почти единогласный хоръ русскихъ писателей временами все же какъ бы замиралъ, то причину этому надо искать въ неусыпной дѣятельности цензуры, которая годами и поколѣніями обезцвѣчивала русское печатное слово, позволяя издавать и пріучая писать лишь то, что не слишкомъ противорѣчило видамъ и соображеніямъ прежняго правительства. Тѣмъ не менѣе никакая цензура не въ силахъ была окончательно исказить общее настроеніе русской литературы, и то, что мы переживаемъ нынѣ, есть воплощеніе ея исконныхъ идеаловъ.

Понятно основное стремленіе народа, который, послѣ долгихъ тщетныхъ порываній и попытокъ, получилъ, наконецъ, то, чего цѣлые вѣка такъ напряженно жаждалъ. Сохранить взятую съ бою свободу, оборонить ее отъ всѣхъ, грозящихъ ей съ разныхъ сторонъ опасностей и твердо установить на всѣ будущіе вѣка нашего историческаго бытія,—такова задача нашихъ дней и таково стремленіе, въ которомъ объединяются всѣ населяющіе Россію народы, всѣ политическія партіи, всѣ классы и всѣ слои общества. Но что же должно дѣлать для этого?

Гдѣ враги свободы и какъ надо съ ними бороться, какъ предупредить ихъ удары? Что нужно предпринять, чтобы упрочить свободныя формы жизни? Въ какомъ направленіи слѣдуетъ работать, чтобы развить заложенныя начала народоправства?—Вотъ вопросы, встающіе сейчасъ передъ каждымъ, кто сознаетъ себя русскимъ гражданиномъ, Россія велика, Россія многообразна, въ милліонахъ ея населенія сталкиваются и перекрашиваются самыя различныя желанія и ожиданія. Каждому отдѣльному индивидууму, каждой группѣ, каждому обособленному классу кажется, со всей искренностью, что его или ихъ мнѣніе есть самое истинное, что оно-то и заключаетъ въ себѣ благо Россіи. Но есть одно пожеланіе, преобладающее надъ всѣми другими, живущее въ каждомъ сердцѣ, входящее, иногда безсознательно, во всѣ программы и во всѣ планы,—пожеланіе, исполненіе котораго лучше всего можетъ обезпечить бытіе нашей молодой свободы. Достаточно его формулировать, чтобы каждый узналъ въ этомъ пожеланіи свою открытую или затаенную думу, и оно гласитъ:

Должно окончить войну!

Солдаты, изнемогающіе годъ за годомъ въ сырыхъ окопахъ, въ тяжелыхъ переходахъ и переѣздахъ и въ смертоносныхъ бояхъ; матери и жены, тоже на годы разлученныя съ мужьями и дѣтьми; городское населеніе, измученное разстройствомъ продовольственаго дѣла, постояннымъ отсутствіемъ предметовъ первой необходимости; все крестьянство, выносящее на себѣ, путемъ косвенныхъ налоговъ, основную тяжесть непомѣрныхъ военныхъ расходовъ; короче говоря, каждый, живущій въ Россіи, русскій или иностранецъ, за исключеніемъ, мо-

жетъ быть, ничтожной кучки гнусныхъ мародеровъ, наживающихся отъ войны — со стономъ молитъ: „Пусть война окончится скорѣе!“ Война всегда — величайшее зло; война,— проклятіе и ужасъ исторіи; война — пережитокъ варварства, недостойный, позорный для просвѣщеннаго человѣчества. Но въ наши дни, для Россіи, война — зло двойное, тройное. Намъ нуженъ миръ, чтобы укрѣпить не вполнѣ еще прочное основаніе нашей свободы, чтобы пересоздать весь строй нашей жизни на новыхъ, свободныхъ началахъ, чтобы наверстать потерянное царскимъ режимомъ за нѣсколько столѣтій на всѣхъ поприщахъ. Намъ нуженъ миръ, чтобы спокойно предаться созидательной работѣ, огромной, почти безмѣрной: коренной перестройкѣ вездѣ подгнившаго зданія нашей государственности и общественности.

Передъ нами справедливыя требованія различныхъ народностей, населяющихъ Россію, которыя нерѣдко были до послѣдняго времени лишены элементарныхъ правъ свободнаго человѣка;—рабочаго класса, требующаго правильной организаціи труда и отношеній между нимъ и капиталомъ;—крестьянства, дезорганизованнаго, во многихъ мѣстностяхъ доведеннаго до нищеты, вездѣ намѣренно ввергнутаго въ невѣжество;—молодежи, стремящейся къ высшему образованію и сталкивающейся съ крайнимъ недостаткомъ университетовъ и высшихъ техническихъ школъ;—отцовъ и матерей, желающихъ дать начальное образованіе всѣмъ своимъ дѣтямъ и не находящихъ достаточнаго числа училищъ и гимназій, не говоря уже объ отсутствіи безплатнаго обученія;— литературы и прессы, надѣющихся полно воспользоваться свободой печатнаго слова и ждущихъ потому но-

выхъ законовъ о печати;—всего общества, увѣреннаго, что оно столь же полно будетъ пользоваться свободой собраній и организацій и благами самоуправленія, что также необходимо организовать путемъ особаго законодательства;—духовенства, арміи, ремесленниковъ, всѣхъ имѣющихъ свои нужды и требованія;—наконецъ, каждаго гражданина, ожидающаго твердаго установленія и осуществленія неприкосновенности личности. Передъ нами тысячи, десятки тысячъ такихъ неотложныхъ вопросовъ, которые легко разрѣшить въ отвлеченныхъ формулахъ, можно временно осуществлять революціоннымъ, захватнымъ путемъ, „явочнымъ порядкомъ“, но которыя действительно осуществить, провести глубоко въ жизнь, внѣдрить во всеобщее сознаніе и обезпечить навсегда—можно только путемъ напряженнаго труда, гигантской законодательной работы, требующей и времени и, главное, спокойствія.

Такого же спокойствія требуетъ, въ сущности, и созывъ Учредительнаго Собранія, которое должно рѣшить вопросъ о государственномъ устройствѣ Россіи и дать руководящія директивы для всей предстоящей законодательной работы. Выбирать Учредительное Собраніе подъ громы пушекъ и мортиръ, при условіи, что милліоны гражданъ сосредоточены на фронтахъ, вдали отъ своего постояннаго мѣстожительства, а другіе, къ сожалѣнію, тоже едва ли не милліоны, томятся въ плѣну и будутъ тѣмъ лишены избирательнаго права, конечно,—не невозможно, но крайне затруднительно и не вполнѣ справедливо. Что мы отвѣтимъ бывшимъ плѣннымъ, нѣсколько лѣтъ протомившимся въ крѣпостяхъ и концентраціонныхъ лагеряхъ Германіи и Австріи, когда, вернув-

шись, наконецъ, на свободную родину, они спросятъ насъ: „За то ли, что мы рисковали жизнью и пожертвовали своей свободой, обороняя границы родной страны вы лишили насъ права, по совѣсти, подать свой голосъ при выборахъ въ Учредительное Собраніе? За то ли, что мы, благодаря неумѣлому веденію войны царскимъ правительствомъ и разнымъ предательствамъ, попали въ плѣнъ, намъ не позволили участвовать своими голосами въ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ того будущаго строя, при которомъ вѣдь и мы будемъ жить въ Россіи? За что вы признали насъ лишенными гражданскихъ правъ?" Конечно, созывъ Учредительнаго Собранія откладывать невозможно; оно намъ необходимо, какъ воздухъ, котораго начинаетъ недоставать. Но насколько успѣшнѣе прошли бы выборы, насколько полнѣе и правильнѣе была бы выражена воля всей Россіи, еслибы эти выборы въ Учредительное Собраніе происходили не при условіяхъ войны, а въ дни мира, при общемъ спокойствіи!

Такимъ образомъ, вся жизнь Россіи, всѣ ея интересы, ближайшіе и болѣе отдаленные, говорятъ намъ объ одномъ и томъ же. Все сводится къ одному: намъ, прежде всего, раньше всего, выше всего нуженъ:

миръ!

Надо скорѣе закончить войну, надо скорѣе заключить миръ, въ этомъ — благо Россіи, въ этомъ обезпеченіе нашей свободы!

Но какимъ путемъ можно достичь этой вожделѣнной цѣли, заключенія мира?

Прежде всего, миръ бываетъ разный. При прежнемъ правительствѣ бывали годы, даже ряды десятилѣтій, когда Россія „наслаждалась" внѣшнимъ миромъ. Но врядъ ли мы захотимъ вернуться къ миру подъ тяжкой властью столыпинскаго режима. Получила миръ и Франція послѣ 1814 года, когда коалиціонныя русско-нѣмецко-англійскія войска разгромили послѣднія силы первой имперіи и вернули на французскій престолъ ненавистныхъ народу Бурбоновъ, въ лицѣ безногаго разслабленнаго и почти слабоумнаго Людовика XVIII. Хотимъ ли мы получить нѣчто вродѣ подобнаго мира? Развѣ не можетъ быть „миръ" горше, тяжелѣе всякой „войны"?

Вѣроятно, если мы предложимъ германскимъ имперіямъ миръ „на какихъ угодно условіяхъ", мы получимъ въ отвѣтъ согласіе заключить миръ. По условіямъ такого мира, цѣлыя области, населенныя нашими братьями или народами, издавна связавшими свою судьбу съ Россіей, перейдутъ подъ тяжкую пяту прусскаго деспотизма; на Россію будетъ наложена невыносимая тяжесть неслыханной контрибуціи, выплачивать которую придется и намъ лично, и нашимъ потомкамъ, истощая свои силы въ работѣ на пользу нѣмецкихъ господъ; намъ приказано будетъ принять выгоднѣйшій для Германіи торговый договоръ (одна изъ главныхъ причинъ войны), который подорветъ нашу торговлю и промышленность, поведетъ къ банкротству банковъ и закрытію фабрикъ и заводовъ, къ великой безработицѣ въ массахъ, къ окончательному обнищанію крестьянства. Да, конечно, если мы захотимъ мира „какой бы то ни было цѣной",

мы, вѣроятно, встрѣтимъ сочувствіе со стороны нашихъ враговъ; Германскія имперіи пойдутъ намъ навстрѣчу, не вмѣшиваясь въ вопросъ нашего государственнаго устроенія, предоставляя Россіи быть монархіей или республикой, какъ ей заблагоразсудится самой. Это наше внутреннее, частное дѣло, Privatsache, какъ скажутъ нѣмцы, получая все, для нихъ болѣе существенное: При балтійскія губерніи преобладающее вліяніе въ обрубленной Польшѣ, протекторатъ надъ Константинополемъ, и проливами и берегами Чернаго моря, контрибуцію, торговый договоръ. Но можетъ ли удовлетвориться такимъ миромъ Россія?

Мы уже не говоримъ объ томъ, что были у Россіи, у русскаго общества, свѣтлыя надежды, можетъ быть, обманчиво поданныя царскимъ правительствомъ: оказать благодѣтельное вліяніе на судьбу другихъ странъ и протянуть руку помощи другимъ угнетеннымъ народамъ: Были мечты, что побѣда союзниковъ надъ германскими имперіями поведетъ къ осуществленію справедливыхъ надеждъ порабощенной и растерзанной на части Польши, что польскій народъ получитъ, наконецъ, возможность самостоятельной жизни, соединитъ въ одно цѣлое свои, раздѣленныя между тремя государствами земли и, путемъ самоопредѣленія, установить для себя формы своей государственности и общественности; что армянскій народъ будетъ вырванъ изъ рукъ германо-турецкаго владычества, которое, съ жестокостью, неслыханной въ самыя черныя историческія эпохи; занималось систематическимъ истребленіемъ армянъ, избивъ, замучивъ и запытавъ за три года войны до полутора милліона людей и обративъ въ дикія пустыни цвѣтущія города и плодо-

родныя провинціи; что будетъ возстановлена независимость сербскаго народа, перваго среди славянъ, создавшаго чисто-демократическое государство, и что сербы соединятся со своими братьями, томящимися подъ нелегкимъ игомъ Габсбурговъ; что такое же соединеніе съ зарубежными братьями будетъ предстоять и румынскому народу, и итальянцамъ; что будетъ вполнѣ возстановлена независимость Бельгіи и что это благородное королевство будетъ полностью вознаграждено за всѣ перенесенныя имъ опустошенія и разоренія; что населеніе Эльзаса и Лотарингіи, 45 лѣтъ тому назадъ отторгнутое отъ Франціи по акту насилія, получитъ возможность, по своему желанію и выбору, вновь слиться съ роднымъ, французскимъ народомъ. Были мечты и о многомъ другомъ, — мечты, быть можетъ, обманчивыя, намѣренно разогрѣваемыя въ насъ съ иными, чуждыми намъ цѣлями, но мечты прекрасныя, связанныя съ идеей самоопредѣленія народовъ...

Въ условіяхъ „какой бы то ни было цѣной“, мы должны будемъ отказаться отъ всѣхъ этихъ мечтаній, т.-е. отъ всякаго участія въ разрѣшеніи всѣхъ этихъ вопросовъ, отъ всякаго вліянія на судьбу „малыхъ народовъ“. Мы предоставимъ тогда сербовъ, черногорцевъ и бельгійцевъ ихъ участи; мы скажемъ имъ: „Добивайтесь осуществленія своихъ правъ сами, а мы вамъ помочь не можемъ или не хотимъ, такъ какъ у насъ свое, болѣе важное, домашнее дѣло“. Мы также скажемъ полякамъ и армянамъ: „Устроить вашу судьбу мы не въ силахъ, поддерживать васъ болѣе не будемъ; защищайтесь сами отъ нѣмцевъ и турокъ, а если защититься невозможно, умирайте, смертью политической или смертью на висѣ-

лицѣ, на кольяхъ, въ огнѣ сожигаемыхъ деревень!" Мы скажемъ всей Европѣ, всему міру: „Устраивайтесь, какъ хотите, сами, безъ нашего содѣйствія! Намъ нуженъ миръ; мы его съ Германіей заключили, на какихъ условіяхъ, это—наше дѣло. Остальное насъ не касается..." Положимъ, что мы скажемъ такъ; положимъ, что мы пойдемъ на любыя условія мира, и положимъ, что наши „враги", Германія и ея союзники, согласятся на наши предложенія... Но согласятся ли на такую комбинацію, допустятъ ли ее наши „друзья", наши „союзники", прежде всего самые могущественные изъ нихъ — Франція и Англія?

Вопросъ объ томъ, должна ли новая, свободная, демократическая Россія соблюдать международные договоры, заключенные прежнимъ, царскимъ, монархическимъ правительствомъ,—вопросъ, заключающій элементы спорные. До нѣкоторой степени, всѣ мы, русскіе граждане, прежніе „подданные" царя, и каждый въ отдѣльности, отвѣтственны за то правительство, которое мы все же сносили въ теченіе столѣтій. Кромѣ того, принимая государственное наслѣдіе, какъ и принимая частное наслѣдство, врядъ ли справедливо отказываться платить долги того, чье наслѣдіе принимается; а международные договоры есть своего рода долговыя обязательства; то были реальныя обѣщанія, подъ которыя Россія получала различнаго рода ссуды, и денежныя и матеріальныя, напр., военными запасами и военнымъ снаряженіемъ. Но не будемъ становиться на такую шаткую почву, какъ понятія „честь Россіи" или „долгъ (нравственный) государства", ибо понятія эти не всѣми толкуются одинаково. Останемся въ предѣлахъ того, что называютъ „ре-

альной политикой“, гдѣ испоконъ вѣковъ, со временъ вавилонскихъ царей и египетскихъ фараоновъ вплоть до Меттерниха, Талейрана и Бисмарка, „честь“ и „долгъ“ (нравственный, не денежный) были только пышными словами и гдѣ на дѣлѣ руководящими понятіями являются „выгода“ и „расчетъ“. Можемъ ли мы, стоя на почвѣ „реальной политики“, отказаться отъ всѣхъ международныхъ договоровъ и обязательствъ прежняго, царскаго правительства?

Участіе Россіи въ войнѣ, безусловно, крайне выгодно Франціи и Англіи, отчасти также—Италіи, Соединеннымъ Штатамъ С. А. и другимъ нашимъ „союзникамъ“. Неужели же Англія и Франція, а за ними и остальные „союзники“, безъ всякаго протеста, согласятся и, безъ всякаго сопротивленія, допустятъ, чтобы Россія „взяла свою булавочку изъ игры“, вышла изъ союза и предоставила Германіи свободу дѣйствій на Западѣ? Вѣдь, если Россія заключитъ сепаратный, отдѣльный миръ съ Германскими имперіями, безъ особаго соглашенія объ томъ со своими союзниками, это будетъ означать, что у Германіи будутъ развязаны руки. Всѣ турко-болгаро-германскія арміи, которыя нынѣ сдерживаются русскими войсками на нашихъ фронтахъ, окажутся тогда переброшенными на фронты Западный, Итальянскій и Македонскій. Соотношеніе силъ сразу перемѣнится къ большой выгодѣ центральныхъ имперій, Англія, Франція и Италія увидятъ, что число ихъ враговъ едва ли не удвоилось, когда и теперь наши западные союзники, съ великимъ трудомъ, подвигаются впередъ буквально по саженямъ въ недѣлю, Неужели же они спокойно допустятъ свершиться такой перемѣнѣ и удовлетворятся нашимъ объясненіемъ, что

намъ „миръ необходимъ"? Именно въ области „реальной политики" такія объясненія окажутся не имѣющими никакой цѣны, и въ силу вступятъ соображенія „расчета" и „выгоды".

Не только весьма вѣроятно, но совершенно несомнѣнно, что Англія и Франція къ нашей попыткѣ заключить сепаратный, отдѣльно отъ нихъ, миръ, отнесутся какъ къ акту противъ нихъ враждебному. Имъ такая наша попытка будетъ представлятся „коварствомъ" „измѣной", и они, конечно, пожелаютъ и постараются отомстить намъ и будутъ въ томь считать себя правыми. (Точнѣе говоря, правительства Англіи и Франціи, въ той предполагаемой нами „мести", будутъ руководиться, прежде всего, все тѣми же соображеніями „выгоды", но и французское и англійское общество будутъ признавать дѣйствія своихъ правительствъ „справедливыми", такъ какъ поведеніе Россіи будетъ имъ казаться „предательскимъ"). Что у Англіи и Франціи найдутся средства для такой мести, сомнѣваться не приходится. Они, напримѣръ, могутъ, при первыхъ извѣстіяхъ о нашихъ намѣреніяхъ заключить сепаратный миръ, вступить въ свою очередь въ переговоры съ Германіей, результатомъ чего будетъ не сосредоточеніе всѣхъ турко-болгаро-германскихъ войскъ на Западномъ фронтѣ, а сосредоточеніе ихъ на нашемъ, русскомъ фронтѣ. Видя, что Россія хочетъ „выйти изъ игры", Англія и Франція, изъ нашихъ „союзниковъ" ставъ нашими „врагами", могутъ, спасая свое достояніе, предоставить германцамъ, болгарамъ туркамъ всѣ желаемыя „компенсаціи" получать съ одной Россіи. И кто знаетъ, что такое предложеніе не будетъ имѣть успѣха, и что, покинутые всѣми союзниками, мы

не должны будемъ расплатиться за войну цѣной въ десятеро, въ двадцать разъ болѣе дорогой, чѣмъ при сохраненіи союза? Тогда, можетъ быть, тотъ „миръ на какихъ угодно условіяхъ", о которомъ мы только-что говорили, покажется намъ уже недостижимымъ блаженствомъ, въ сравненіи съ тѣми, новыми условіями, какія будутъ намъ продиктованы Германіей, освобожденной отъ угрозъ съ Запада, со стороны Салоникъ и съ моря!

Разумѣется, все это — только предположенія. Но, что Англія и Франція не отнесутся безразлично къ заключенію нами сепаратнаго мира, это — несомнѣнно. Что начать переговоры о мирѣ, безъ предварительнаго соглашенія съ нашими союзниками, значитъ возбудить противъ себя и общественное мнѣніе всей Европы, и опасную вражду такихъ сильныхъ противниковъ, какъ Англія и Франція, это — столь же несомнѣнно. На какія бы жертвы мы ни готовы были пойти ради достиженія мира, мы раньше всего должны условиться и уговориться съ нашими союзниками, больше всего съ Англіей и Франціей, какъ наиболѣе среди нихъ могущественными и властными, чтобы обезпечить себѣ дѣйствительную возможность заключить тотъ миръ, съ предложеніями котораго мы выступимъ. Иначе мы рискуемъ тѣмъ, что уступки, которыхъ отъ насъ потребуетъ Германія, при попущеніи бывшихъ нашихъ союзниковъ, достигнутъ такихъ предѣловъ, согласиться на какія будетъ означать —вызвать волну народнаго негодованія и, можетъ быть, контръ-революцію, способную погубить все дѣло свободы...

Итакъ, какъ бы ни велико, какъ бы ни напряженно было въ насъ всѣхъ желаніе мира, на пути къ достиженію

его стоятъ два опредѣленныхъ препятствія: во-первыхъ, требованія Германіи, во-вторыхъ, воля нашихъ союзниковъ. Только добившись отъ Германіи, не говоримъ „почетныхъ“, но пріемлемыхъ для обѣихъ сторонъ условій и только получивъ согласіе союзныхъ съ нами государствъ, можемъ мы заключить миръ. При иныхъ условіяхъ мы или не сможемъ довести до конца начатые переговоры о мирѣ или получимъ миръ, который не только не дастъ намъ успокоенія, но поведетъ къ междоусобной войнѣ и контръ-революціи.

Но какими же путями добиться отъ Германіи пріемлемыхъ условій мира, а отъ нашихъ союзниковъ согласія на него?

Благородная попытка Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, обратившагося съ предложеніемъ мира къ германской соціалдемократіи, какъ извѣстно, прямого успѣха не имѣла. Отвѣтъ, или вѣрнѣе, отсутствіе всякаго опредѣленнаго отвѣта, показалъ, что договариваться, пока, надо все же съ правительствомъ Вильгельма. Опредѣленно положеніе Германіи, Австріи, Турціи и Болгаріи намъ неизвѣстно; но совершенно ясно, что оно не изъ легкихъ: это подтверждается всѣми вѣстями, доходящими къ намъ изъ „вражескихъ“ странъ. Однако, центральныя имперіи чувствуютъ себя побѣдителями на всѣхъ фронтахъ, горды занятіемъ территоріи пяти государствъ, полностью или въ большей части (Бельгія, Польша, Сербія, Черногорія, Румынія), и самимъ своимъ сопротивленіемъ „всему міру“, въ теченіе безъ малаго трехъ лѣтъ. Общественное мнѣніе въ Германіи ждетъ, что эти „побѣды“ будутъ вознаграждены выгодными условіями мира, и правительствамъ цент-

ральныхъ имперій почти невозможно не выставлять въ настоящее время тяжелыхъ для союзниковъ требованій. Каковы въ точности эти требованія, тоже пока неизвѣстно, ибо оффиціальныхъ переговоровъ не происходило, но общій смыслъ ихъ достаточно опредѣлея и много разъ былъ высказываемъ въ прессѣ. Требованія эти таковы, что Англія и Франція, въ настоящее время, не считаютъ ихъ пріемлемыми, а, слѣдовательно, какъ мы старались показать выше, не можетъ ихъ принять и Россія.

Но будущее достаточно грозно для центральныхъ имперій. Разсказы и пророчества объ экономическомъ истощеніи Германіи и Австріи были преувеличены; ожидать, что Германія сдастся подъ вліяніемъ голода, конечно, нельзя, послѣ того какъ нѣмцы овладѣли пашнями Польши и пробились въ плодородныя области Передней Азіи. Однако, трудность экономическаго положенія не можетъ не быть большей въ Германіи, чѣмъ въ другихъ воюющихъ странахъ, такъ какъ она все же блокирована англійскимъ флотомъ, отрѣзана отъ тѣхъ рынковъ, съ которыхъ раньше получала значительную часть потребнаго ей хлѣба. Далѣе, опасной угрозой стало передъ Германіей вступленіе въ число воюющихъ державъ Соединенныхъ Штатовъ С. А.; не такъ скоро, но эта новая гиря на чашѣ союзниковъ заставитъ вѣсы наклониться въ ихъ сторону. Силы Сѣверной Америки ни въ коемъ случаѣ не являются величиной, которой можно пренебречь, quantite negligeable, и нѣмцы сами это хорошо сознаютъ. Наконецъ, въ Германіи, хотя бы и съ меньшей остротой, чѣмъ у насъ, тоже съ каждымъ новымъ днемъ все шире разливается жажда мира, неодо-

лимая потребность окончить войну. Длить ее для Вильгельма и его правительства, особенно послѣ русской революціи значитъ рисковать своимъ положеніемъ, можетъ быть рисковать судьбой династіи. Сейчасъ правительство Вильгельма еще можетъ настаивать на своихъ преувеличенныхъ требованіяхъ, но съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ войны, если, конечно, то не будетъ для нѣмцевъ —рядъ военныхъ тріумфовъ, станетъ все труднѣе откладывать заключеніе мира подъ предлогомъ недостаточной выгодности предлагаемыхъ условій . . .

Въ настоящее время, всѣ воюющія государства и всѣ народы, вовлеченные въ войну, открыто или безсознательно чувствуютъ, понимаютъ, что войну надо закончить. Россія ощущаетъ это острѣе, нежели другія страны, но безъ исключенія всѣ видятъ, что дальнѣйшее веденіе войны—безсмысленно, Первоначальные благородные лозунги („права малыхъ народностей", „возстановленіе попранной справедливости", „уничтоженіе милитаризма" и т. п.) не то что позабылись, но превратились въ ничего не значущія формулы Первоначальныя предположенія обѣихъ воюющихъ сторонъ, когда каждая мечтала, что въ силахъ будетъ окончательно сокрушить врага, оказались явно неосуществимыми. Сколько бы ни длилась война, ни Германія не „раздавитъ" союзниковъ, ни союзники не „разгромятъ" Германіи. Событія выяснили, что при современныхъ способахъ веденія войны, когда арміей является почти весь вооруженный, народъ, такой исходъ столкновенія—немыслимъ, Осталась, можетъ быть, кучка крупныхъ „мародеровъ тыла", представителей международнаго капитала, для которыхъ длить войну—выгодно, которые

были достаточно безстыдны, чтобы желать этого, и достаточно сильны, чтобы этому способствовать. Но, въ концѣ концовъ, вліяніе этихъ отдѣльныхъ группъ, которыя, къ сожалѣнію, имѣлись и, можетъ быть, еще имѣются во всѣхъ странахъ, не можетъ не быть подавлено общимъ, всѣхъ народовъ, стремленіемъ къ миру. Самыя сильныя вліянія закулисной политики имѣютъ свои предѣлы.

Силою вещей, самымъ теченіемъ событій, Германское правительство будетъ принуждено предложить условія мира, пріемлемыя для союзниковъ, для Англіи, для Франціи, для насъ и для другихъ, вовлеченныхъ въ борьбу государствъ, и день этотъ, по всему судя, уже недалекъ. Но для этого необходимо, чтобы сила сопротивленія германскому натиску не ослабѣвала ни на одинъ часъ, ни на одномъ изъ фронтовъ. Чѣмъ сильнѣе будетъ давленіе союзныхъ армій на арміи центральныхъ имперій, чѣмъ глубже въ состояніи будутъ продвинуться англо-французскія войска и войска салоникскаго фронта и чѣмъ рѣшительнѣе наши арміи вновь перейдутъ изъ обороны въ наступленіе, возвращая отторгнутыя у Россіи германцами коренныя русскія области,—тѣмъ скорѣе наступитъ тотъ вожделѣнный день, когда явится возможность начать дѣйствительныя переговоры о мирѣ. Конечно, военные планы, планы кампаній, состовляютъ большую тайну; но не надо проникать въ эту тайну, не надо быть прозорливцемъ, чтобы видѣть ближайшіе расчеты Германіи. Безъ всякаго сомнѣнія, она намѣрена пользоваться наступающимъ временемъ, чтобы еще до появленія на аренѣ борьбы сѣверо-амереканскихъ силъ нанести новые тяжкіе удары своимъ врагамъ. Однако

на Западѣ Германіи больше двигаться некуда и незачѣмъ; тамъ она можетъ ограничиться обороной и даже допустить новое сокращеніе фронта; въ Россіи у Германіи есть надежда, пользуясь переходнымъ временемъ, которое мы переживаемъ занять еще рядъ мѣстностей, а, можетъ быть,—какъ объ томъ насъ давно предупреждаютъ,—попытаться занять и Петроградъ. Каждая лишняя пядь земли, захваченной въ Россіи, послужитъ Германіи новымъ очкомъ, когда она будетъ торговаться объ условіяхъ мира. На осень 1917 года мы можемъ ожидать чудовищнаго натиска германскихъ армій, которыя тяжелой лавиной обрушатся на наши.

Сейчасъ на нашемъ фронтѣ какъ бы заключено негласное перемиріе: нѣмцы почти не тревожатъ нашихъ армій [1]). Но было бы безуміе — полагаться на это спокойствіе и думать, что опасность новаго германскаго нашествія на Россію отпала. Германіи, какъ и намъ, необходимъ миръ; какъ мы, она искренно желала бы его заключить. Но Германія должна, принуждена выставить такія условія мира, которыя мы принять не можемъ;—не можемъ не въ силу отвлеченныхъ представленій о „чести Россіи", а по совершенно реальнымъ причинамъ: потому что не можемъ возложить на страну невыносимыя тяготы, которыя неизбѣжно поведутъ къ страшнымъ внутреннимъ потрясеніямъ, и потому что не можемъ измѣнить дѣлу союзниковъ, которые сумѣютъ

---

[1]) Самыя послѣднія извѣстія говорятъ даже, что Гинденбургъ (по какому праву именно онъ?) откликнулся на предложенія о мирѣ, остерегшись, однако указать какія-либо его реальныя условія.

намъ за „предательство“ отплатить жестоко. Если даже мы начнемъ, отдѣльно отъ Франціи и Англіи, переговоры о сепаратномъ мирѣ, мы принуждены будемъ ихъ прервать, такъ какъ къ тому властно побудитъ насъ самый простой расчетъ, сознаніе что изъ „двухъ золъ“ все же должно выбирать „меньшее“. Меньшее зло—война; оно—огромно; но большее зло—разореніе всей Россіи, еще невиданные кризисы финансовые и промышленные, опасная вражда со стороны бывшихъ союзниковъ, вѣроятно, междоусобная распря внутри страны и, можетъ, быть, торжество реакціи... При такомъ выборѣ, колебаться нельзя, а, какъ только мы вновь выберемъ войну Германія ударитъ, всей силой подготовленнаго „кулака“ именно по нашему фронту.

Этотъ ударъ мы должны встрѣтить тоже готовыми должны его вынести и отразить. Рѣчь идетъ не о „войнѣ до побѣды“; рѣшительная побѣда, повторяемъ, при условіяхъ современнй войны, невозможна, а въ частности для насъ, при томъ положеніи, до какого прежнее правительство довело наши военныя дѣла, врядъ ли достижима, въ какой бы то ни было степени. Не объ томъ идетъ рѣчь, чтобы „разбить“ германскія арміи въ „генеральномъ“ сраженіи, вновь занять Польшу, итти на Берлинъ и захватить чужія земли: о такихъ планахъ не стоитъ спорить, потому что они, все равно за предѣлами реальныхъ возможностей. Но мы должны остановить германскій потокъ, если онъ опять хлынетъ на насъ, или, еще лучше, предупредить нападеніе, заставивъ германцевъ очистить тѣ позиціи, съ которыхъ они грозятъ намъ. Дѣло стратеговъ, знатоковъ военнаго ремесла, рѣшить, должны ли мы только „держаться“ или „наступать“. Са-

ми по себѣ эти термины ничего не значатъ, на практикѣ нельзя отдѣлить одно отъ другого, и, часто, на войнѣ „защищаться“ можно только „нападая“. Но только показавъ себя способными защищаться, показавъ, что революціонныя арміи не менѣе, а болѣе стойки, чѣмъ царскія,—мы можемъ приблизить тотъ день, когда начнутся дѣйствительные переговоры о мирѣ.

Для выполненія и этого дѣла потребны усилія величайшія, крайнія. Безъ всякаго перерыва, съ постоянной напряженностью должна продолжаться вся работа тыла: безостановочное снабженіе арміи боевыми снарядами и продовольствіемъ, а слѣдовательно и безостановочная, усиленная, а не сокращенная, дѣятельность заводовъ и фабрикъ, работающихъ на оборону; и столь же усиленное движеніе по путямъ сообщенія, а также планомѣрная эвакуація больныхъ и раненыхъ съ фронта. Наряду съ этимъ наши арміи должны постоянно пополняться новыми кадрами солдатъ и офицеровъ, флоты должны находиться въ полной боевой готовности, парки артиллерійскіе и воздухоплавательные должны стоять на всей высотѣ свихъ задачъ, и т. д. Почти излишне говорить, что все это можетъ быть достигнуто лишь при одномъ условіи: при господствѣ во всей арміи, отъ ея верховъ до низовъ строгой и стройной дисциплины, нисколько не противорѣчащей,—какъ показываютъ примѣры старыхъ демократій,—соблюденію уваженія къ личному достоинству каждаго члена арміи, офицерами по отношенію къ солдатамъ, солдатами по отношенію къ офицерамъ. Давно извѣстно, и подтверждено горькими опытами исторіи, что дисциплина въ арміи есть первый, необходимѣйшій и ничѣмъ не замѣнимый залогъ успѣшнаго веденія

военныхъ операцій. Никакія массы войска, никакія техническія приспособленія, никакой талантъ полководцевъ, даже никакое одушевленіе войскъ—не въ силахъ замѣнить отсутствія воинской дисциплины. На примѣрѣ сражающихся съ нами германцевъ, мы видимъ, какое первенствующее, почти всеобъемлющее значеніе имѣла дисциплина и въ современной войнѣ: Германія прежде всего сильна и опасна желѣзной организованностью и своихъ фронтовъ и своего тыла.

Вотъ почему все, что въ наши дни разрушаетъ или даже только колеблетъ дисциплину въ нашей арміи, есть неоправдываемое преступленіе передъ родиной и безповоротно отдаляетъ день окончаніи войны. Колебать дисциплину въ нашей арміи значитъ—ослаблять ея способности вести военныя операціи, отнимать у Россіи возможность заключить миръ и, далѣе, облегчить всякія покушенія на нашу свободу. Нарушать дисциплину въ арміи значитъ—дѣйствовать противъ димократіи, совершать актъ анти-революціонный. Безспорно, многое въ установившейся армейской дисциплинѣ подлежитъ пересмотру и переустройству на новыхъ, демократическихъ началахъ. Но, во—первыхъ, частью это уже сдѣлано и „явочнымъ порядкомъ" и отдѣльными распоряженіями новаго военнаго министерства; во-вторыхъ, коренное переустройство, въ этой области, какъ и во всѣхъ другихъ, должно быть отложено до времени спокойной работы надъ новой организаціей всей русской жизни, послѣ властныхъ указаній Учредительнаго Собранія. Сейчасъ передъ нами двѣ неотложнѣйшихъ задачи, ради разрѣшенія которыхъ можно и должно временно поступиться

очень многимъ: намъ надо заключить миръ и избрать Учредительное Собраніе.

Въ тяжелое и отвѣтственные дни, которые мы теперь переживаемъ, намъ необходимо располагать сильной и дисциплинированной арміей. Для этого высшая военная власть (военное министерство и главнокомандующіе) должна быть облечена достаточными полномочіями, чтобы рѣшительно прекращать всякія случаи нарушенія дисциплины: неповинованіе начальникамъ, дезертирство, самовольныя выступленія и т. д. Въ продолженіе войны надо умѣть повиноваться, и повиновеніе избранной влисти столь же демократическій принципъ, какъ самое ея избраніе. Свободолюбивые римляне, въ эпоху республики, умѣли, въ случаѣ опасности, отказываться отъ народоправства, отстраняли избранныхъ консуловъ и вручали всю полноту власти, вплоть до права жизни и смерти по отношенію къ каждому гражданину,—особо избранному диктатору. Мы, по счастью, еще далеки отъ такихъ обстоятельствъ, когда возникла бы потребность послѣдовать примѣру республиканскаго Рима. Но, чтобы избѣжать такой крайности, мы должны предоставить военной власти исполнить въ полной мѣрѣ свой долгъ и свои обязанности, должны повиноваться ей, ничѣмъ не колебля ея авторитета и силы. Тѣ, которые стоятъ во главѣ, должны пользоваться полной свободой дѣйствій, въ предѣлахъ своихъ полномочій. Иначе нельзя вести войну и, слѣдовательно, нельзя приблизиться къ миру.

Вопросъ объ отношеніи къ высшей военной власти конечно, тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ объ отношеніи ко всему Временному Правительству. Тѣ

же соображенія приводятъ къ заключенію, что центральная власть, въ наши дни, должна быть единой твердой. Раздѣленіе власти, двоевластіе—пагубно для насъ въ крайней степени. Если мы хотимъ скорѣе окончить войну, чтобы предаться созидательной работѣ, мы должны оказывать довѣріе правительству, поскольку въ общемъ оно идетъ по вѣрному пути, поскольку мы не видимъ необходимости на мѣсто одного состава правительства поставить другой... Всѣ партійные споры, всякая рознь, всѣ второстепенныя несогласія должны быть отложены до другого времени. Вѣдь передъ нами,—мы въ это вѣримъ!—цѣлые вѣка свободной жизни, въ теченіе которыхъ будетъ время разсмотрѣть внимательно всѣ противорѣчивыя мнѣнія и сознательно выработать „равнодѣйствующую“, выражающую истинную волю всей Россіи. Временно должно принести жертву, отказаться отъ достиженія нѣкоторыхъ, даже важныхъ цѣлей, чтобы достичь, какъ можно скорѣе пріемлемаго для насъ мира, что уже обезпечитъ, въ самомъ существенномъ, сохраненіе и развитіе завоеванныхъ свободъ. Способствовать сохраненію твердой и единой центральной власти—долгъ каждаго гражданина въ наши дни. Призывать къ этому, сколько у кого есть голоса,—долгъ каждаго русскаго писателя.

Каковъ же выводъ изъ всѣхъ этихъ соображеній?

Наша высшая цѣль—упроченіе и развитіе добытой свободы. Для этого, прежде всего, должно въ скорѣйшемъ времени закончить войну и заключить миръ. Но заключить миръ возможно, въ реальной обстановкѣ событій, только

на пріемлемыхъ для Россіи условіяхъ (т.-е. безъ возложенія на нее непосильныхъ тяготъ) и по соглашенію съ нашими союзниками. Время для такого мира сейчасъ еще не пришло, но оно близко. Если мы отразимъ грядущій натискъ германскихъ армій, миръ явится самъ собою. Онъ виситъ, какъ созрѣлый плодъ на вѣткѣ, и упадетъ намъ въ руки, если мы дождемся должнаго мгновенія. Но выждать это мгновеніе мы можемъ только съ оружіемъ въ рукахъ. Военныя операціи, въ смыслѣ дѣятельной обороны отъ германскаго наступленія, должны вестись съ неослабѣвающей энергіей, не съ уменьшеннымъ, а усиленнымъ напряженіемъ.

Тѣмъ временемъ наша дипломатія должна столь же дѣятельно вести всѣ подготовительныя работы по заключенію мира. Нашимъ союзникамъ и, черезъ нейтральныя правительства, центральнымъ имперіямъ, должны быть предложены опредѣленныя условія мира. Можетъ быть, то, что называется „военной" и „дипломатической тайной" не позволитъ обнародовать во всеобщее свѣдѣніе всѣхъ подробностей этихъ переговоровъ, но о самомъ фактѣ ихъ умалчивать нѣтъ причинъ. Мы должны знать, что наша дипломатія работаетъ въ этомъ направленіи, что она, на вполнѣ опредѣленныхъ условіяхъ, предлагаетъ воюющимъ державамъ окончить борьбу, во многомъ утратившую свой первоначальный смыслъ.

Что касается самыхъ условій мира, то, разумѣется предвидѣть ихъ трудно. Между прочимъ, они будутъ зависѣть и отъ событій наступающихъ мѣсяцевъ. Но, во всякомъ случаѣ, можно сказать, что столь волнующій наше общество вопросъ объ аннексіяхъ—вопросъ едва ли не праздный, Россіи расчитывать на какія-либо тер-

риторіальныя пріобрѣтенія при существующемъ положеніи вещей, кажется, не приходится. Можно только говорить о сохраненіе тѣхъ земель, которыми мы обладали до начала войны, противъ чего не раздается возраженій, (при этомъ, разумѣется, мы не имѣемъ въ виду Польши, самостоятельное бытіе которой какъ бы предрѣшено обѣими сторонами). Вопросами, подлежащими обсужденію, могутъ явиться только, не считая тѣхъ, въ которыхъ Россія мало заинтересована и о которыхъ будутъ уславливаться преимущественно наши союзники, — это: предѣлы будущаго Польскаго государства (отъ котораго, по слухамъ, Германія намѣрена отторгнуть Познань, а Австрія—Галицію), судьба турецкихъ областей Арменіи [1]), тѣ части занятыхъ германцами нашихъ Прибалтійскихъ губерній, которыя Германія желала бы оставить

[1]) Вопросъ о судьбѣ турецко-армянскихъ областей затрудняется и странамъ, сравнительно, легко предоставить возможность самимъ рѣшить свою судьбу, путемъ „самоопредѣленія“, т. е. общенароднаго голосованія (плебисцита), который выяснитъ истинныя стремленія большинства населенія. Но турецко-армянскія провинціи предупредительно лишены своего коренного населенія: по германскому совѣту (см. „Синюю книгу“ по армянскому вопросу), турки вывели всѣхъ армянъ (кажется, около миліона человѣкъ) изъ ихъ родной земли и поселили, въ ужасающихъ условіяхъ жнзни, въ Мессопотаміи и по другимъ мѣстностямъ. Какое же значеніе будетъ имѣть голосованіе (плебисцитъ), произведенное только въ средѣ оставшихся въ этихъ провинціяхъ и вновь туда наѣхавшихъ курдовъ и турокъ?

за собой, и, может быть, участь нам родственныхъ сербовъ... Что до Дарданеллъ, то русскими имъ все равно не быть: это совершенно явно... Если же намъ удастся получить свободный выходъ изъ Чернаго моря, напр., черезъ объявленія Константинополя нейтральнымъ портомъ, то такой успѣхъ нашей дипломатіи врядъ ли возбудитъ въ комъ-нибудь какія-либо возраженія... А будутъ ли требоваться какія-либо аннексіи Германіей на западномъ фронтѣ (части Бельгии) или Англіей, Франціей, Италіей и другими нашими союзниками, для насъ довольно безразлично: мы не располагаемъ силами чтобы тому помѣшать или даже чтобы оказать существенное вліяніе на рѣшеніе этого вопроса.

И послѣднее соображеніе... Несомнѣнно были преувеличены опасенія, что побѣда германцевъ приведетъ къ намъ старый режимъ, что Николай II вернется въ Зимній дворецъ на штыкахъ прусскихъ солдатъ. Нѣмцы, заключая съ нами миръ, по всему вѣроятію, не подумаютъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла; быть можетъ, даже Германія, по разнымъ соображеніямъ (вовсе не безкорыстнымъ) предпочтетъ имѣть своей сосѣдкой Русскую республику, а не Всероссійскую монархію. Но надо подумать о томъ впечатлѣніи, какое произведетъ въ умахъ многихъ и очень многихъ, новый военный успѣхъ Германіи, напр. занятіе германскими войсками Петрограда или заключеніе мира на особо-выгодныхъ для Германіи условіяхъ. Если русская свободная держава начнетъ свое бытіе военными неудачами и тягостнымъ миромъ съ врагомъ, это глубоко отразится на психологіи всего населенія Россіи, прежде всего—ея многомилліоннаго крестьянства. Не будутъ ли говорить тогда: „Царь все-

таки защищалъ Русь, а новое правительство защитить родину не сумѣло!" Истинныя причины совершившагося будутъ ускользать отъ пониманія массъ, а явный результатъ будетъ у всѣхъ предъ глазами и сдѣлается могущественнымъ стимуломъ реакціонныхъ силъ. Борьба съ попытками реставраціи предстоитъ намъ неизбѣжно; надо позаботиться, чтобы у враговъ свободы не оказалось въ рукахъ такого сильнаго оружія, какъ указаніе на „позорный" миръ. Наше пораженіе въ борьбѣ съ германцами грозитъ намъ пораженіемъ въ борьбѣ съ реакціей.

Во имя всего великаго, чѣмъ мы сейчасъ обладаемъ, во имя свѣтлаго будущаго, открывающагося передъ нами, во имя упроченія и развитія русской свободы,—мы должны призывать къ отраженію новаго германскаго нашествія, грозящаго намъ, къ неутомимому продолженію войны, которое одно обезпечиваетъ намъ „пріемлемый" миръ. Во имя священной свободы, мы должны, со всѣмъ напряженіемъ силъ, оказывая полное довѣріе единой и твердой центральной власти, оставаться на нашихъ позиціяхъ, какъ того ждутъ отъ насъ наши западные союзники. Ради вожделеннаго мира, чтобы достичь скорѣйшаго окончанія войны, мы должны вести ее, не ослабѣвая. Si vis pacem para bellum, говорили римляне. Никогда это выраженіе не было болѣе примѣнимо, нежели въ наши дни и къ намъ. „Если хочешь мира, веди войну!"

Валерій Брюсовъ.

